

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a young woman with long, dark, wavy hair is shown from the waist up, turned slightly to her left. She wears a light blue, long-sleeved, off-the-shoulder top with a wide collar and a matching skirt. Her hair is blowing in the wind. In the background, two statues stand on a raised platform. The statue on the left is a muscular man in a blue cape, and the statue on the right is a woman in a blue dress. The scene is set in a grand, classical building with columns and a warm, golden light. A white star is in the top right corner.

ЕВГЕНИЯ
АЛЕКСАНДРОВА

Последняя
игра
императора

ЗАВТРА Я СТАНУ ОГНЁМ

Евгения Александрова

Завтра я стану огнём

Серия «Охотники за мирами»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73200643
ISBN 978-5-04-239244-3

Аннотация

Дарханы – древний орден магов, поклявшихся служить императору и Четырём богам. Но не все готовы склонить голову.

Кейсару ди Мори отправляют в священный город богов, чтобы сделать из неё послушное оружие. Её дар – огонь, способный как спасать, так и уничтожать. В ордене учат владеть не магией, а собой – и это испытание труднее любого боя.

Кейсара не хочет служить и не верит Четырём богам, но встретив наставника Бьёрна – холодного, насмешливого северянина, – впервые понимает, что с опасностью предстоит столкнуться задолго до выхода на поле боя...

Когда вера превращается в оружие, остаётся лишь понять – кому ты служишь на самом деле?

Содержание

Глава 1. В которой я обманываю, но всё идёт не по плану	5
Глава 2. В которой море одерживает верх	26
Глава 3. С тобой что-то не так	46
Глава 4. В которой Бьёрн становится господином	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Евгения Александрова

Завтра я стану огнём

© Луковская Т., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1. В которой я обманываю, но всё идёт не по плану

Я снова едва не провалилась в маленькое пламя в подсвечнике – оно внезапно разгорелось до размеров целой комнаты.

Пришлось много раз моргнуть, чтобы это ощущение пропало и чтобы не казалось, будто огнём охвачены и я, сидящая за столом, и вся моя семья, которая собралась на торжественный прощальный ужин в мою честь.

– Ке-е-ей, – громко протянул на ухо Тавиан. – Прекрати пропадать, мы тут вообще-то о тебе говорим.

– А? – Я очнулась окончательно и осмотрелась по сторонам.

Напротив, убрав со лба тёмные волосы, нахмурился и откинулся на спинку стула отец. Мама взглянула на меня исподлобья, будто с опаской, и ясный взгляд её больших карих глаз наполнился тревогой, а губы поджались.

Я глубоко вдохнула, возвращая себе контроль. Мы дома – в нашем светлом, просторном поместье среди тростниковых плантаций. Вокруг несколько слуг, на столе сервиз из тонкого серебра и ужин: запечёная рыба с заправкой из смеси специй и тростникового сахара, пирог из тростникового сахара с корицей, печенье из тростникового сахара... Нет, здесь не

всё сделано из тростникового сахара, по крайней мере, вино мы пьём из винограда.

Мои родители богаты, но я знаю, какую цену они заплатили за эти земли двадцать лет назад. Тогда мой отец, Риан ди Мори, только начинал путь – и, чтобы защитить свою избранницу, вынужден был раскрыть правду, что он – маг. Он смог уберечь маму, наследницу этих земель, от мага-чужака, который хотел подчинить её своей извращённой власти...

Я медленно перевела взгляд с одного лица на другое, и каждое казалось мне чрезмерно участливым, аж до дурноты: переживают за меня, хоть и пытаются это скрыть.

– С возвращением, – покачал бокалом старший брат, сидевший по правую руку. – Что и стоило доказать.

– Что? Кому... доказать? – Я повернулась в его сторону и услышала невеселый смешок отца.

Тавиан склонился ко мне и громко прошептал на весь зал с ухмылкой:

– Что ты не в себе, кроха.

Кроха! Я уже давно не кроха, только он, похоже, не заметил!

– Всё со мной в порядке, – привычно отмахнулась я от брата и пихнула его плечом. – Лучше за собой следи. Вон, смотри, чуть стакан не уронил.

Тавиан молча поджал губы. Он знал, что иногда его левая рука теряет чувствительность и немеет, и злился, когда это замечали. Впрочем, это ничуть не мешало ему заигрывать со

всеми девушками нашего общества, даже самыми знатными.

Хотя его травмы, как бы он ни злился, были ерундой – по сравнению с тем, что могла сотворить я, если теряла контроль.

Когда позволяла огню слишком многое.

– Кейсара, – обратился отец чуть устало, – ты как?

Я вздохнула, покрутила в руке вилку, взглянула на нож в другой. Надо было поесть, но не то что кусок в горло не лез – даже смотреть на еду было нехорошо.

– Нормально. Простите, совершенно не чувствую аппетита сегодня, так душно...

Подхватив веер, я даже обмахнулась пару раз, посетовав вслух, что старинное украшение над столом, которое раскручивалось слугами и дарило долгожданный ветерок, уже совсем слабо спасает.

Поднявшись из-за стола, я добрела до кресла у окна. Мари с ворчанием убрала мой недопитый бокал и оставленную еду, но я только отвернулась к окну, отвлекая на себя внимание и давая верной служанке незаметно вытащить из-под тарелки предназначенную ей записку.

– Позвольте мне остаться, – сделала я ещё попытку, но даже мать не вступилась, только сокрушённо покачала головой.

Взор её стал горьким, но я знала, что она не будет открыто спорить с отцом. Только вовсе не потому, что была покорной его мнению, а потому что полностью во всем доверяла: они

оба считали, что мне нужна помощь.

Отец, ставший одним из крупнейших плантаторов, в последнее время всё чаще говорил не об урожае тростника, убытках из-за небывалой жары в этом году. Даже почти позабыл о любимых лошадях и выезде: всё внимание — на заботу о людях и семье.

Новые завоевания императора Сиркха, агрессивный набор людей с магическим даром в рекруты, ещё более жёсткие законы, ущемляющие права не-магов... Вот и сейчас, кажется, с этого начался ужин — когда отец с силой сжал в пальцах приборы и знакомым образом опустил голову, готовый броситься в бой за тех, кто ему дорог.

И вместе с тем его открытый, пронизательный взгляд чёрных глаз то и дело падал на меня или маму.

Мы с ней так похожи: кудрявые волосы, жгучие глаза, страсть к лошадям, несносный характер и вспыльчивость, с которой сложно было управляться, особенно таким благовоспитанным девушкам из высшего общества, какой являлась я.

Магии только у мамы не было — но была своя сила, почти ведьминская. Говорили, она не изменилась — всё та же Ясмин, непокорная, гордая, прославившаяся тем, что защитила поместье от магов-захватчиков. Иногда мне казалось, что она едва ли не моя ровесница — со смехом возилась со мной, выбирала платья, частенько приходила поговорить по душам. Никто не ждал, что свободолюбивая Ясмин с рожде-

нием детей станет примерной хозяйкой и матушкой. Она и не стала – сохранила свой нрав, о котором уже слагали легенды.

– Кейсара ди Мори. Ты сама знаешь, что больше мы не имеем права тянуть. – Отец вздохнул, поднимаясь из-за стола. – В конце концов, ты уже взрослая, тебе почти восемнадцать, сама понимаешь. Мы сделали, что могли, но этого оказалось недостаточно.

Голос отца, мягкий и раскатистый, стал твёрже, хотя я всё равно слышала в нём сопереживание. Интересно, после того как пострадал на службе его старший сын – всё равно готов отдать и дочь отправить этой же дорогой?

– Три года – это слишком долго!

Три года обучения у дарханов в этом проклятом, почти военном, суровом монастыре – это три года моей жизни, полные лишений и отказов от всего, к чему я привыкла.

И это только меньшее из зол, ведь после обучения я могу попасть в армию на передовую, пострадать, как мой брат, или ещё хуже. А может, пострадают и другие.

– Мы тоже думали, что обойдётся, – вздохнула мама и поднялась из-за стола, – но ты сама видишь, что это не так.

– Мы можем попробовать ещё, нанять другого... учителя.

Чем закончилось моё обучение с прошлым наставником, в семье вспоминать было не принято. Мало того что это было больно, но ещё и нанесло большой вред репутации всей нашей семьи, и только сейчас, спустя несколько лет, соседи и

благородные господа из столицы смилостивились, приняли во внимание мою тогда юность и готовы были снова приветствовать нас со всем уважением, как прежде.

– Нет, Кей. Дарханы сказали, что должно быть так, – произнёс отец.

– Они не боги!

– Они – наместники богов, – со странным смешком возразил он. Затем подошёл ко мне ближе и уселся на подлокотник кресла, и я невольно остановила взгляд на следах ожогов, уродливо ползущих по его правой руке: кисти и выше до локтя. – По крайней мере, они в это верят.

– А ты?

– А я тоже – наместник, – насмешливо взглянул отец.

Я состроила ему физиономию, хоть не могла не признать его силу. Папа был красив для своего возраста: вызывающе темноволосый, без единой седой пряди, подтянутый и загорелый, с блестящими глазами, а ведь ему за сорок. Но маги умеют сохранять молодость гораздо дольше.

Это было той тихой радостью, которая грела душу, – должны же у меня быть хоть какие-то преимущества, а не только страдания!

У отца, в отличие от меня, вместо стихийного дара была связь с живой энергией, как и у Тавиана. Они оба проходили обучение у дарханов и сейчас, когда маги стали у власти и во главе всей огромной Ивварской империи, легко находили применение своей силе.

Мой же огненный дар требовал постоянного контроля, что удавалось всё хуже, а подходящих дарханов из древнего ордена, обладающих тайными знаниями, на Корсакийских островах найти не удалось.

Я снова оглядела лица всех собравшихся в гостиной.

Тавиан – гордец и хитрец, похожий на отца статью и взглядом, как ни в чём не бывало уплетал горячий ужин. Брат был старше меня всего на год с небольшим, а на его плечи уже взвалили немало дел. Наследник! Будущий глава рода ди Мори.

Это от меня пока можно избавиться.

– Прямо семейка богов, не иначе, – буркнула я.

Мама фыркнула. Ну да, у неё дара не было. Однако даже сейчас, когда в империи каждый маг считал себя приближённым к богам, её это ничуть не смущало.

– Может, вы мне лучше мужа найдёте? – безнадёжно подняла я голову, вопрошая то ли у родных, то ли у самих богов. – Уеду в глушь, не буду никому мешать, вы обо мне позабудете, как и все дарханы, вместе взятые.

– Замуж? Ну нет, сестра, с твоим характером в монастырь тебя отправить куда проще, – хохотнул братец.

– Иди ты!

– Лично готов проводить тебя в путешествие, – галантно склонил он голову.

Всё решено – я обвела взглядом их лица. Не надо владеть другой магией, чтобы это прочитать.

– А если я всё равно откажусь и сбегу?

Мама посмотрела на отца и выразительно округлила глаза, как будто вела разговор с ним наедине, а не в моем присутствии:

– Как у нас родилась такая упрямая дочь?

Отец повернулся к ней с его вечной дразнящей улыбкой и выразительно приподнял бровь – до того красноречиво, что даже я хмыкнула.

– Я не настолько!... – возразила с жаром мама, но передумала спорить.

Отец многозначительно промолчал, а затем снова обратился ко мне и произнёс вкрадчиво:

– Это последняя возможность разобраться с даром. Я хочу, чтобы с тобой всё было в порядке. И прости, что я не могу сам тебе помочь. Ни я, ни твой брат, ни другие учителя на острове. Ты же знаешь, мы пробовали.

– Хорошо, – покорно улыбнулась я, успокаивая всех разом. – Ладно. Я поеду.

– Так просто? – недоверчиво скрестила руки на груди мама и посмотрела так проницательно, как умеют, наверное, все матери, запросто считавающие враньё.

– Ради вас.

– Утром приедет человек от них, который будет тебя сопровождать, – ещё разглядывал меня с подозрением отец. – Ты собрала оставшиеся вещи? Ты готова?

– Да, отец, – мило улыбнулась я.

И соврала. Но вся семья так же старательно делала вид, будто верит в моё неожиданное послушание. Мы все играли в эту игру, возможно, чтобы ещё немного побыть вместе. Все эти дурацкие шуточки, подначивания брата, милые препирания родителей – мне будет этого ужасно не хватать. Только бы не выдать себя слезами.

Надеюсь, это действительно пустит их по ложному следу, поэтому в записке для Мари я уточнила время ночной встречи. Готовилась я давно, так что всё должно пройти гладко.

Некоторое время мы обсуждали будущее – как всё сложится, когда я уеду, как пройдёт служба, которую теперь обязаны нести все маги, и мужчины, и женщины. Новый закон не оставлял никому и шанса на поблажки: после обучения – ещё как минимум два года одарённые проводят под знаменем империи.

Тавиан учился четыре года, возвращаясь домой всего пару раз, и ещё полтора – до ранения – служил в армии на Итене. Он никогда не рассказывал подробности, не любил вспоминать об этом. Никто не любил.

Император Сиркх за двадцать лет правления подавил не одно восстание – и против своей власти, и против магов в целом. Но слухи говорили, что теперь он собирает армию куда серьёзнее – на случай войны с коалицией северных стран, которым власть магов – растущая, как и границы нашей империи – давно была поперёк горла.

И стать очередной деталькой в его сверкающей, огненной

военной машине было бы для меня худшим кошмаром. Потому что я не верю в то, что он говорит. Не верю в его мечту, в его порядок, в его светлое будущее.

Но и выбора у меня будто бы нет.

Остаться – нельзя. Остаться – подвести всех, снова поставить под угрозу семью, их репутацию и помешать всем делам, не говоря уж о том, чтобы снова стать опасной для чьей-то жизни.

А я не хочу быть врагом для тех, кого больше всего люблю. Так что решено.

В коридоре я поймала Мари, с подсвечником в руках спешащую на третий этаж.

– Госпожа, – склонилась служанка, глядя на меня украдкой.

– Ты готова? – строго спросила я, точно таким же тоном, каким спрашивал меня отец.

Поймала себя на этом и улыбнулась, чувствуя, как щиплет глаза.

– Конечно... Но, может...

– Это моя последняя попытка. Клянусь. Всё пройдёт хорошо.

Я ушла из дома так тихо, что не скрипнула ни одна доска.

Каждый из семьи пожелал мне спокойной ночи, один за другим заглядывали в комнату – словно я снова та самая маленькая Кейсара, полная эмоций и страхов, которая не мо-

жет уснуть без маминого голоса и папиных объятий.

Даже Тавиан заглянул, отвесил лёгкий щелчок, что-то снова глупо пошутил и посоветовал утром не спать слишком долго – дарханы не ждут. Он, возможно, единственный, кто почувствовал подвох. Или просто не хотел прощаться.

Когда весь дом затих, я на цыпочках прошла по комнате, проверяя, не скрипит ли пол. Забрала сумку – лёгкую, собранную заранее – и стала действовать по плану.

Оделась просто, почти по-деревенски: скромное льняное платье, сшитое бабушкой по моим меркам, – высокий ворот с тонким кружевом, мягкая юбка, не стесняющая движений. Накидку спрятала в сумку, заколола основную массу волос в небрежный пучок на макушке, нацепила небольшую шляпку с козырьком от солнца.

Я уезжаю не как наследница или невеста с богатым приданым, лишь как та, кто хочет исчезнуть на время. Проведу несколько лет в тишине и с учителем, которому я могу доверять. Подальше от политики, Иввара и армии – пусть для многих это была бы великая честь!

Скрепя сердце я уходила из любимого дома, ступая в благоухающую цветами ночную темноту, к стрёкоту сверчков под звёздами. Мне восемнадцать, и я уже не могу надеяться на других. Пора самой определять свою судьбу.

Добравшись до внешней границы сада, я всё-таки обернулась. Наверху, в открытом окне, лениво колыхалась занавеска – там, где уже наверняка посапывал братец. То-то будет

у него удивление, когда утром поднимется на уши весь дом. Казалось, Тавиан всё же поверил, что я слушаюсь наставлений и отправлюсь к дарханам в монастырь – они ведь прижали меня к стене.

Хотя он и прошёл обучение, и добился уважения, и отслужил в армии, и уже почти стал отцовской правой рукой... всё равно, где-то внутри наверняка жгло – что особая сила досталась мне. Нестабильной, капризной, взбалмошной – по их мнению.

Будь моя воля – я бы с радостью поменялась. Отдала бы ему этот огонь, эту ответственность. Пусть бы он носил на теле мои шрамы, пусть бы он уходил этой ночью, а не я.

Но, клянусь Ао и Теа, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы магия стала мне послушна – и чтобы я заняла равное место с отцом и братом, среди тех, кому благоволят боги.

Я вышла из тени эвкалиптов – и экипаж оказался там, где и должен был быть: в укромном месте за рощей, с приоткрытой крышей. Днём она спасала от палящего солнца, ночью выпускала звёзды и ветер в лицо.

Кучер сидел молча, ждал. Я быстро забралась внутрь, поправила шляпу, низко опустил поля.

– Трогай, – сказала я.

Ночью экипаж скользил словно тень по знакомым дорожкам, унося всё дальше от дома. Но успех моего «побега» зависел от того, удалось ли намекнуть родителям на ложную

цель. Я постоянно оглядывалась, но вокруг никого не было, ни впереди, ни позади.

Прощайте, любимые плантации, прощай, дом, так уютно мерцающий крохотными огнями в ночи, прощайте, эвкалиптовые рощи и холмы, прощай, бурный океан, голубой в полдень и загадочно-тёмный после заката солнца.

Только с Великими Духами острова я прощаться не собиралась, как и с нашей старой верой, как и с традициями, уходящими в глубь веков – туда, в самую первоначальную нашу суть, о которой пели наши ведуньи и рассказывали легенды.

Я упрямо поджала губы.

Спустя полчаса впереди показался дом Арона – бывшего учителя Тавиана, по совместительству ставшего и моим наставником. Мага с разрешением дарханов и человека, которого я однажды – слишком сильно – полюбила.

Достаточно взрослый, опытный, он пытался научить меня контролю, но я срывалась раз за разом. Он работал с живой энергией, а во мне жил огонь – и когда он вырывался, я могла испепелить всё.

Даже Тавиан в тот день, устав наблюдать за нашими бесполезными попытками и давать под руку свои, несомненно бесценные, советы, давно ушёл, и мы с Ароном остались наедине в самом большом бальном зале нашего поместья.

Об этом уже ходили слухи, и отец грозился запретить уроки, последним требованием стало присутствие моего брата и других наблюдателей.

– Я не могу... – прошептала я, сдаваясь чувствам. – Это будто сильнее меня.

– А я не могу тебе помочь, – ответил он.

Но, глядя в мои глаза, поднёс пальцы к подбородку и вдруг... поцеловал. Мягко, будто прощаясь. Будто извиняясь за своё бессилие.

Поцелуй вместо обучения, поцелуй, чтобы отвлечь меня от идеи владения стихийной магией, которой я одержима.

Я задержала дыхание, застыла, не шевелясь, но от этого мягкого прикосновения внутри вспыхнула такая буря, что захотелось кричать. Я не успела. Не успела взять себя в руки, не успела что-то выдохнуть, первый, столь желанный прежде, поцелуй превратил меня не в трепетную, дрожащую от чувств влюблённую девушку, а в раскалённую фурию.

Разом полыхнул огонь во всех светильниках. Я закричала, чувствуя, что теряю контроль. Огонь, растущий изнутри, пронёсся обжигающей волной и смёл всё, что подчинялось его власти: ткани, обивку стен, огромные гардины на окнах...

Меня вытащил отец – без сознания. Арон едва не погиб, и, конечно, вокруг поползли самые некрасивые версии, отчего так произошло, а некоторые припоминали прегрешения моей матери, что однажды сожгла урожай тростника, защищая себя и свои земли от вторжения мага с севера.

– Сюда, госпожа? – хрипло уточнил кучер и кашлянул па-

ру раз, привлекая моё внимание, когда мы оказались неподалёку от знакомого дома.

Мне показалось, что в его голосе даже прозвучала насмешка. Но нет, старик возникший верен и предан нашей семье много лет. Мари обещала, что он будет держать язык за зубами даже под пытками.

Так хотелось сказать: «Да, поворачивай!».

«Я обязательно вернусь», – прошептала я себе под нос одними губами.

– Нет! – быстро и тихо приказала я кучеру, пока мы оставались незаметными в этом лесу на маленькой тропе. – Мы едем в другое место.

– Как прикажете, – пожал плечами кучер, коротко на меня оглянувшись в темноте. – Куда?

Я назвала указанное ведуньей место, выслушала недоумённое цоканье языком, но вожжи послушно взметнулись, и верная кобылка повезла нас ещё дальше. Откинувшись назад, я глядела на ночное небо и мелькающие вокруг высокие деревья с густыми кронами.

Воздух стал прохладней этой ночью, и я наслаждалась каждым мгновением, в которое ветерок ласкал разгорячённую кожу, раздувал пряди волос и заставлял веки закрываться. Всего немного подремать – прежде чем я окажусь в условленном месте в самой дикой и заброшенной части острова, у Нидейлы, старой ведуньи. Она обещала, что поможет мне с даром.

Я лучше пропаду для остального мира и обучусь всему сама, не представляя опасность для окружающих. И докажу, что мне не нужны для этого дарханы, их чуждые законы и другой край...

* * *

– Госпожа, доброе утро, – проговорил чей-то незнакомый голос.

– Что, уже завтрак? – пробормотала я сонно, пытаюсь понять, где нахожусь.

А когда распахнула глаза, резко вскочила, больно стукнувшись макушкой о крышу экипажа. Солнце светило прямо в лицо и слепило так, что разбудивший казался тёмным силуэтом.

Я всё проспала?! Где... я?

И только глубоко вдохнув, я поняла, что так пахнет море. Мы на пристани, а шумит не листва в лесу, а волны и голоса моряков на берегу.

Прикрыв глаза от солнца, я осознала, что передо мной на козлах сидит кучер в капюшоне. Тот самый, кто всю ночь должен был везти до места встречи с Нидейлой, чтобы потом мы ушли с ведуньей в горы.

Кучер стянул капюшон и обернулся. Но это был не наш преданный и хорошо знакомый возничий!

– Кто ты? – Я замерла, гадая, что вообще происходит.

Мужчина легко прыгнул на землю и подошёл к ступеньке экипажа. Он был довольно высок и светловолос, причём волосы, скрученные в жгуты, были собраны на затылке в хитрый хвост, оголяя выбритые виски. В ушах тускло блеснули серьги серебряного цвета, по несколько тонких колец в каждом. И глаза под тёмными, вразлёт, бровями у него были вызывающие светло-серые, такие редкие в наших краях. Нахальные, яркие, любопытные сверх меры. Чужеземец!

Он остановился передо мной и нравоучительно заметил:
– Когда хочешь сбежать – внимательнее смотри, с кем едешь.

Краем глаза я видела, что на пристани уже многолюдно, но никого из знакомых не было. А неподалёку покачивался большой трёхмачтовый корабль, явно готовый к отплытию, хотя солнце едва встало над горизонтом.

– Откуда... откуда ты вообще взялся?!

Я, стараясь не выдавать намерения, искала способ незаметно сбежать от похитителя. Здоровый и наверняка недалёкий лоб, всего-то лет на пять старше меня! Он выглядит опасным, но, может, удастся...

– Не беги, госпожа, – усмехнулся он, читая мои мысли, и угрожающе положил обе руки поперёк прохода, отрезая пути отступления. – Не выйдет. Покатались – и хватит.

Он не выглядел слишком мощным, скорее был ловкий, жилистый, однако при этом шириной своих плеч каким-то образом перегораживал едва ли не всю дорогу.

Ещё немного – и как маленькую будет ловить обеими руками, не давая сбежать. Я чувствовала себя такой униженной и обманутой, что от негодования вцепилась в край сиденья.

– Где мой кучер?

– Попросил подменить... на денёк, – подмигнул мне светловолосый нахал.

– Ты... значит, это ты был всю дорогу?!

– Ну не всю. Чуть позже, как ты уснула. Пришлось сперва некоторое время следовать за вами верхом, о юная непокорная госпожа. И уже потом перехватить управление.

Я чуть было не задохнулась от возмущения. Я же видела, что меня искали у дома Арона, всё было продумано, они не должны были догадаться!

– Твоя семья хорошо тебя знает, – улыбнулся незнакомец, разглядывая меня, чуть щурясь на солнце за деревьями.

– Они издеваются...

Я окончательно передумала бежать и бессильно откинулась на спинку сиденья.

– А теперь нам пора. Корабль скоро уходит.

Сероглазый протянул руку, раскрыв широкую ладонь. Я не торопилась её принимать. Они всё знали! Знали, что я попытаюсь сбежать. Знали, куда и как. Неужели Мари случайно проболталась? Нашли записку? Или куда проще: отец слишком хорошо научился читать мои чувства – и они для него как открытая книга.

Я постаралась взять себя в руки и заговорила повелитель-

НЫМ ТОНОМ:

– Значит, ты тот самый человек от дарханов, который должен был прибыть утром и сопроводить в монастырь?

Он сделал вид, что задумался, склонив голову набок, и его собранные в хвост русые волосы качнулись на ветру. Великие Духи, да он больше похож на пирата с этими серьгами и причёской, чем на мудрого дархана.

– Сейчас утро. Я прибыл. Так что всё верно.

Если бы у меня под рукой было что-то, чем можно было запустить в это смеющееся надо мной лицо – я бы с большим удовольствием это сделала! И плевать на воспитание, хорошие манеры благородной кирии и прочие отягчающие обстоятельства.

Я думала, за мной прибудет по крайней мере солидный дархан или кто-то вроде тех, что должны служить в монастырях, а за мной отправили выскочку, который понятия не имеет, как вести себя в приличном обществе!

Степень моего негодования, должно быть, была написана у меня на лице, потому что сероглазый наглец сделался ещё веселее, но руку протягивать не перестал.

– Мой брат уже отдал свой долг дарханам. Зачем вам я?

– Я должен только сопроводить, – пожал он плечами и упрямо протянул руку ещё дальше, не давая мне выбора. – Там и спросишь.

Я схватила за его руку со всей силы и прыгнула из экипажа, не разжимая хватки. Пусть не думает, что я нежная

слабая девочка, над которой можно издеваться всю дорогу. Раз меня так ценят, что объявили охоту и устроили это представление, пусть потрудятся относиться с уважением.

— О, юная кирия, вы сильны, точно львица, — не смог промолчать «кучер», встряхивая ладонь. — Ещё немного, и вы сломали бы мне пальцы.

Я обернулась к нему так, что несколько несобранных в пучок прядей взметнулись, и уставилась на наглеца лишь самую малость — снизу вверх.

— Вы правы. Мое имя Кейсара ди Мори, и именно это оно означает: львица.

Сероглазый довольно усмехнулся и сложил руки на груди, наблюдая, как я забираю из экипажа свои вещи.

Что ж. Путешествие обещает быть длинным.

Письмо от Тавиана № 1

*Халэ ашир, таарвен!*¹

Как и договаривались — приезжай в назначенный час, не позже. Если задержишься, она обязательно найдёт способ выскользнуть, и будешь потом гоняться за ней по всему Южному архипелагу.

Я бы сказал, что она готова к академии, но, скорее, академия пусть готовится к ней. Будь с ней поостроже, если сможешь. А то у нас дома ей всё

¹ Приветствую, дружище (даори).

сходило с рук – особенно когда эта принцесса начинает прикидываться, что ничего не понимает.

***P.S.** Предупреждаю заранее: будет смотреть невинными глазами и делать вид, что она вся из благоразумия. Не верь. Эта девчонка научилась прятать рогатину за спиной ещё до того, как научилась читать. Удачи тебе.*

***P.P.S.** Ты точно готов в это ввязаться?*

T.

Глава 2. В которой море одерживает верх

С сумками пришлось повозиться, потому что их было несколько, а мой сопровождающий не торопился помогать. Я запахнула полы длинной накидки из гладкой ткани – легкой, но приятной защиты от ветра на конец лета.

Однако совсем не то, в чём стоило отправиться на корабль – тем более на проклятый север. Рядом гомонили моряки, занятые погрузкой каких-то товаров, и с любопытством поглядывали на мой экипаж: ещё бы, знатная госпожа собралась в море! К тому же без слуг и без какого-либо должного сопровождения.

Корабль у широкой пристани нависал выпуклым боком, трепыхались паруса и снасти, и от близости этой махины мне уже было беспокойно. Все прогулки по воде неизменно заканчивались одинаково – мне было беспросветно дурно.

С тоской глянув на водную гладь, подёрнутую рябью, на десяток мелких парусов рыбацких лодок вдали, я сглотнула. Подхватила одну из сумок на плечо, а вторую прижала к себе, вконец раздосадованная. Не так я представляла себе этот день, в котором должна была встретиться с ведуньей в запovedном лесу – тихом, укрытом от всех людей и солнца месте, где было бы так спокойно.

Присланный дарханами мужчина наблюдал за моими попытками тянуть время с плохо скрытым весельем в глазах – хотя лицо сохранял серьёзное.

– Что? – буркнула я, продолжая лихорадочно размышлять, можно ли сбежать прямо сейчас.

В конце концов, нас всего двое. Ни слуг, ни солдат. Если ударить в нужное место – и самой прыгнуть в экипаж, хлестнуть лошадей...

– Кейсара ди Мори, – тихо и будто с усталостью обронил чужеземец, – не забывай, что я маг.

– Я, вообще-то, тоже.

– Но ты не чувствуешь меня так, как я – тебя.

Говорил он терпеливо, почти как взрослый – с ребёнком, хотя сам выглядел ненамного старше, и никакой разумной реакции это у меня не вызывало.

– И что сейчас чувствуешь? – С вызовом я шагнула ближе и вскинула голову, пытаясь будто уменьшить разницу в росте.

– Твои попытки придумать новую возможность для побега.

– И всё?

– Ещё то, как ты выходишь из себя, чувствуешь, что тебя перехитрили, и как хочешь побольнее из-за этого ударить, потому что тебе обидно.

Я сощурилась.

– А может, ещё то, что я даже не знаю твоего имени, ты

ведёшь себя как последний нахал, а между прочим, моё происхождение требует гораздо более уважительного обращения, кириос-не-знаю-как-там-вас? Мой отец, будь он сейчас здесь, здорово бы вам всыпал за подобную наглость и поведение, – окончательно вспылила я. – И то, что вы фактически похитили меня из моего дома, перехватив мой экипаж, не даёт вам право насмехаться и ёрничать, пусть за вами стоит хоть десяток императоров и императорских приказов. Это низко, неуважительно и грубо, и я...

– Хорошо, – перебил меня, легко соглашаясь, сероглазый, – я буду звать вас, как скажете, прекрасная и грозная принцесса Юга. И впредь и пальцем не трону без вашего особого на то согласия. А то, не дай боги, вы меня и укусите... лвыица. Идёмте же, – кивнул он на корабль.

В его насмешливой речи не проявилось и тени уважения. Я сдула упавшую на лоб прядь, оглядываясь по привычке, думая увидеть вокруг служанок или тех, кто готов прийти на подхват. Дархан отступил в сторону, освобождая мне проход к трапу на корабль.

– И как же зовут *вас*, кириос, в таком случае? – сердито выпалила я, подхватывая сумку ближе к себе.

Пропустив меня вперёд, он направился следом чуть поодаль, будто всё ещё контролировал моё возможное отступление. Но всё-таки бросил коротко:

– Бьёрн.

– Просто Бьёрн? – вздёрнула я бровь с насмешкой, повер-

нувшись вполоборота и намекая на его низкое происхождение.

Произносить это имя было непривычно. Оно отдавало чужбиной, холодом и... похоже было на удар: ёмкое и звучное, но слишком странное. Я мысленно покатила его на языке, пытаясь не прозвучать фальшиво или смешно – в силу складывающихся обстоятельств мне надо было как можно быстрее восстановить своё достоинство и заставить этого чужака, дархана, что явился по мою душу, себя уважать.

– Для начала вам будет достаточно, Кейсара ди Мори, ваша сияющая светлость.

Я усмехнулась его самоуверенности и проигнорировала издевательское обращение. Для начала! Надеюсь, мы дойдём до проклятого Итена, и этот сопровождающий – который даже сказать ничего не может об истинной цели столь ощутимой настойчивости в мой адрес – куда-нибудь там задевается.

Хотелось надеяться, что в монастыре сейчас не так строго, как пару лет назад, когда учился Тавиан. Хотя... если он справился, то и я справлюсь. Не зря же мы вместе росли.

Боги, я всерьёз уже верю, что готова сдаться и отправиться к дарханам?

Светало. Солнце выкатилось над океаном и слепило глаза мириадами бликов. Чайки вопили над палубой так оглушительно, что хотелось крикнуть им в ответ. Я вцепилась в трап, держась за борт, – одна из сумок сползла с плеча.

– Дождались бы утра, приехали бы сюда со своей свитой, – подлил масла в огонь Бьёрн, обернувшись. – А теперь уж, не обессудьте, придётся вам отправиться на Итен без привычных вашему положению удобств.

Он сказал это ровным голосом, не выдавая ни презрения, ни зависти или чего-то вроде этого. Явно понабрался невозмутимости от дарханов.

Я уже почти добралась до него, когда он вдруг шагнул вперёд и забрал с моего плеча уползающую сумку.

– Мы ещё можем послать за остальным, – сказала я, перебрасывая волосы за спину и разглядывая капли пота у него на висках от непривычной жары, – разве нет? Или вы так торопитесь вернуться обратно? Не нравится у нас? – В моём голосе прозвучала насмешка.

– Боюсь, если задержимся, вы опять попытаетесь сбежать, – улыбнулся он, отвечая насмешкой на насмешку. – Так что, к сожалению, придётся немного ускорить отплытие. Всё, капитан, все на борту! – крикнул он вверх и постучал по борту.

– Неужели вы так за всеми одарёнными следите?

– Не за всеми, – уклончиво ответил он и пошёл вперёд.

Мне пришлось догонять – под взглядами команды, явно интересующейся, кто я такая. Внутри уже начинало трясти от предчувствия – и моря, и всего, что ждало за ним. Но я шла за Бьёрном, не показывая страха, оглядывая палубу и внутренне собираясь с силами.

Невероятно, как люди вообще могут полюбить море?! Жуткое, зыбкое, полное пугающей глубины место, где нет ни единой опоры. И эта тошнота – она уже будто подкатывает, хотя мы даже не отчалили от берега.

В детстве я едва не утонула, отправившись с отцом на небольшой лодке вдоль берега – налетел порыв ветра, на одной из волн наша лодка перевернулась, а я внезапно так нахлебалась воды, что под весом одежды пошла на дно.

Отец, конечно, нырнул и вытащил почти сразу, хоть и сам получил неслабый удар бортом по затылку. Однако сориентировался, как истинный маг, быстрее, чем любой другой на его месте. Быстрее, чем парочка слуг, сидевших на вёслах. Вытащил. Но с тех пор бездна снизу снилась мне снова и снова.

Теперь, стоя на палубе, я взглянула на трап. Его ещё не убрали. Пара шагов – и я бы снова была на земле. Бросить сумку, пробежать по шатким ступеням – прочь от воды, прочь от ненавистного монастыря, сероглазого нахала, чужих богов и службы, при мысли о которой меня трясёт. Лошадьми я управлять умею, главное, скрыться в зарослях – и поминайте как звали.

Делая вид, что мне надо отдышаться, я бесшумно опустила сумку на палубу и уже бросилась было бежать, как серая тень метнулась следом. Резкий удар – и меня откинуло к борту корабля, а запястье обхватила чья-то цепкая рука.

– Предсказуемо, юная госпожа. – Второй рукой Бьёрн вцепился в борт справа от меня, снова преграждая путь. – Я бы расстроился, если бы вы *не* попытались.

– Убери руки, – процедила я сквозь зубы.

Он поднял ладони, отступив. Но в его взгляде теперь было куда больше, чем шутка, – и куда меньше мягкости. Похоже, любое неповиновение дарханам будет заканчиваться вот так, а он и вправду может почувствовать мои мысли. Ладно.

– Хочу знать, где моя каюта, – перевела я дух, упрямо приподнимая голову.

– Боюсь расстроить вас, на этом корабле нет лишних гостевых кают, драгоценная госпожа, – сообщил Бьёрн, – не императорский парусник с экипажем в сотню человек. Всего лишь быстроходный барк.

– Прикажете спать в гамаке?

– Не так это ужасно, как звучит.

Он кивнул вперёд. Я подняла сумку и пошла, сжимая зубы. Не буду же я и правда ночевать в гамаке, скорчившись, как простой матрос?

Если он не врёт – я потребую вернуться. Пусть пришлют нормальный корабль, со свитой и служанками. Я не обязана терпеть это унижение. Даже ради магии.

Оставалось надеяться, Бьёрн только дразнит.

– Кстати, меня ужасно укачивает, – проговорила я ему в спину.

– Пути назад нет, госпожа, – твёрдо отозвался Бьёрн и же-

стом пригласил дальше по палубе. – Вам придётся потерпеть. Вас ждут в Сеттерьянге.

– С распростёртыми объятиями? – хмуро буркнула я, отворачиваясь. – Оно и видно. Надеюсь, меня не ждёт такой же тёплый приём, какой я получила от вас.

Бьёрн остановился у ещё одной двери, приоткрыл и продемонстрировал пустой коридор с рядами обыкновенных коек, которые были загорожены плотными шторами, каждая отдельно. Я медленно, словно подчиняясь его приказу, прошла внутрь.

– Подозрительная покорность, – заметил Бьёрн. – Не означает ли, что мне стоит вас запереть на замок? Честное слово, будет ужасно обидно проделать этот путь – по вашу душу в том числе – и вернуться с пустыми руками.

– Вы же маг, – повернулась я к нему и сложила руки на груди, – угадайте.

Бьёрн смерил меня внимательным взглядом и внезапно весело рассмеялся, переставая быть такой надменной задницей, какой он являлся до этого.

– Видят Четверо, этот путь будет непростым.

– Вы не потрудились сделать его легче.

Бьёрн стянул с плеча сумку и водрузил на одну из коек – ближнюю к двери, на самом проходе. Выпрямившись, он схватился рукой за переборку, противостоя качке, и проговорил вкрадчиво:

– Уже сочувствую вашим будущим наставникам, госпожа.

– Я тоже, – шёпотом проговорила я, будто мы делились какой-то тайной.

– Вы никогда не оставляете последнее слово кому-то другому?

– А вы?

Бьёрн продолжал веселиться, глядя на меня в полумраке этого просторного, по меркам корабля, помещения. Ну что, сероглазый? Нашла коса на камень?

Я, может, и благородная кирия, получившая лучшее воспитание на Корсакийских островах от учителей географии, истории, впитавшая знания по вычислениям и языкам, а также манерам и этикету высшего света, однако я росла с братом, лихим и безбашенным, с которым мы соперничали с младенчества – и никакой безродный посланник от дарханов не выведет меня из себя.

А вообще... Судя по его взглядам, я могу действовать иначе.

Ещё ни один мужчина, который хоть сколько-нибудь был мне интересен, не мог остаться равнодушным, а этот Бьёрн... не знаю, чему его учили у дарханов, но пусть попробует устоять перед Кейсарой ди Мори, которая станет хорошей девочкой.

Очень хорошей и очень милой девочкой.

Я обязательно найду способ выбраться из западни. А если не получится в ближайшее время – придумаю какую-нибудь новую хитрость, чтобы дарханы потеряли ко мне интерес.

Корабль качнуло на пологой волне, когда один из соседних кораблей поменьше развернул паруса, и внутри всё нехорошо сжалось. К моменту отплытия в каюту начали приходить люди. Я забралась на свою крохотную койку, на которой разве что с трудом вытянешь ноги, и задвинула хлипкую штору – вот и вся преграда от других случайных попутчиков.

Надеюсь, они не храпят!

Я скинула шляпу в дальний угол и скомкала тонкий грубый плед ногами. Перед глазами снова возник Тавиан: дрожащими пальцами он не мог нормально держать вилку. Брат почти никогда не рассказывал о службе подробно, всегда отдевался шутками и переводил тему.

Или и вовсе щёлкал по носу, утверждая, что я не доросла до подробностей, это для взрослых. А потом... я сама не хотела знать, с чем именно ему пришлось столкнуться во время подавления мятежа в Ивваре.

Теперь мне надо успокоиться и решить, как я буду завоевывать свои права на свободу воли и как сделать так, чтобы со мной считались? На что на самом деле способны дарханы? Пожалуй, время затаиться и разобраться.

– Отдать швартовы, – раздалось приглушённое с верхней палубы.

Теперь потолок сотрясали множество пар ног матросов, которые под команды капитана резво взялись за управление. Я плюхнулась на подушку, набитую соломой, и закрыла гла-

за.

Главное, не разозлиться слишком сильно, чтобы не поджечь ещё и весь корабль. Что может быть хуже, чем странствовать по жуткому океану на хлипкой деревяшке, да ещё и с угрозой устроить на ней пожар?

Я задышала глубоко, успокаиваясь, как учил Арон. Вот только воспоминаний о бывшем учителе мне сейчас не хватало, да?

Подтянув к себе колени, я устроилась в своём убежище в самом углу и не заметила, как задремала под тихий плеск волн. Пробуждение оказалось не из приятных.

Мы уже далеко отплыли, судя по всему. Солнце начало клониться к закату и светило в крохотные окна общей каюты, пробираясь даже за штору. Корабль валко шёл по волнам, и каждое мотание из стороны в сторону заставляло желудок, в котором и без того было пусто, болезненно сжиматься.

Не выдержав, я выбралась из «каюты», отодвинула пыльную ткань и прошла, шатаясь, к двери. Не без труда тяжёлое дерево подчинилось моим рукам, но я наконец вырвалась на свободу.

Ветер тут же обдал лицо, и стало капельку легче. Красно-оранжевое солнце слепило глаза. Вокруг гомонили и носились туда-сюда десяток матросов в льняных рубашках и выцветших от солнца широких штанах, раздавался смех и самые низкосортные ругательства от матросов откуда-то сверху, с мачт, которые терялись в натянутых полотнах парусов.

Не в такой компании я привыкла находиться, что за жестокая шутка судьбы?

Размышлять было некогда, желудок скрутило так, что я успела лишь прильнуть к высокому – по локти мне – борту и вцепиться в него руками. Однако ничего, кроме болезненных сухих судорог, так и не случилось. Ветер бил в лицо, пугал волосы, выбившиеся из причёски. Хорошо, что оставила шляпу в каюте – её бы унесло прочь этим ветром.

– ...И что теперь? – раздался спокойный голос, когда ветер на мгновение стих. – Надо учитывать, что времена изменились. Нам нужны люди.

– Да и что теперь, каждую цыпочку хватать, лишь бы угодить императору?

– Смотрите-ка, кирия тут, на палубе, – донеслось издалека чьё-то хриплое, и разговор прервался с коротким смешком.

Я предпочитала не поворачиваться и не обращать внимание. Всё равно ничего не видела, кроме мутного горизонта, да и смысл их слов доходил с трудом. Мне было так плохо, что единственное, что я могла ответить – это послать их всех в бездну... Или вот в эту морскую пучину, что так и жаждет сожрать случайных путников: вон как пенится и бурлит под бортом вода.

Снова стало мутно и тошно, и я пыталась дышать, чтобы стало легче.

– Эй, Патрик, воды принеси, – раздался знакомый голос.

– Сейчас, сентар де Ларс, мгновение, – шустро ответили

следом.

Ишь, ты какой, сентар де Ларс! Конечно, дежурит неподалёку от кают, чтобы «драгоценная госпожа» снова не натворила глупостей и не сиганула за борт? В этот раз пусть не надеется. Моя жизнь мне дорога, и я не расстанусь с ней от простого отчаяния.

«Сентар де Ларс». Ну надо же.

И всё-таки любопытно... Мои мысли перекатывались в голове, как всё внутри от бесконечной качки. Если к этому Бьёрну обращаются так уважительно... может, он не посыльный от дарханов, а хоть кто-то поважнее? Конечно, он маг и одним этим заслужил себе особое положение, но стало интересно узнать о сероглазом что-нибудь ещё.

– А вы, любезная кирия, не лгали насчёт качки, верно?

Бьёрн небрежно облокотился на борт неподалёку: боковым зрением я видела его светлые косицы, забранные с боков, которые мотались на ветру у шеи свободными кончиками, и белеющую на фоне волн рубаху, но была не в силах смотреть в лицо, подставленное ветру. Не дайте боги, вывернет прямо так.

Мой мучительный стон стал ответом, и я опустила лицо на кисти, которыми держалась за борт. Кожу так хорошо остужал влажный и прохладный ветер, что хотелось замереть и дожидаться, когда полегчает.

– Держите, пейте, – предложил Бьёрн жестяную кружку.

– Это поможет? – хрипло произнесла я наконец пару связ-

НЫХ СЛОВ.

– Не уверен. Но вы попробуйте – и мы узнаем. – Его тон был по-прежнему насмешлив, а я была явно не в лучшей форме, чтобы произвести на него впечатление.

Я всё-таки сделала пару торопливых глотков тёплой воды, подышала снова, отдав кружку обратно, но проклятая тошнота вернулась. Уткнувшись снова лицом вниз, я пробормотала:

– Сколько нам осталось?

Бьёрн цокнул.

– Мы всего несколько часов, как вышли, кирия ди Мори. Плавание до архипелага Итен от Корсакийских обычно занимает не меньше пары недель.

– Боги. Просто... убейте меня... – протянула я мучительно, пытаюсь понять, как выжить столько времени в открытом море – а ведь это корабль почти не качает и ветер ровный и свежий.

– Позвольте? – спросил вдруг сероглазый, вопросительно касаясь моего запястья.

– Что, уже просите мою руку? – нервно рассмеялась я, не удержавшись от издёвки и по-прежнему прижимаясь лбом к лежащей на борту руке. – Так быстро!

От мокрого дерева пахло солью и старостью. Корабль поскрипывал на волнах, и каждое его движение отзывалось противным ноющим ощущением внутри. Как же плохо. Ох... Если бы хоть кто-то был на моём месте и чувствовал

то же, что и я, он бы понял, что невозможно казаться милой и обаятельной, когда желудок то и дело подкатывает к горлу.

– Только руку, кирия. На сердце... не претендую, – усмехнулся Бьёрн так, что я буквально видела его лицо в этот момент.

Я расслабила левую руку и позволила ему развернуть предплечье, уложив тыльной стороной ладони на высокий фальшборт корабля; пара моих колец глухо стукнулись о дерево. Тёплые, сильные, но будто нежные пальцы обхватили моё запястье и прижались к одной точке у кисти, сдавили её одним точным сильным касанием.

Отдалось тупой болью, и я уже хотела с силой выдернуть руку из его хватки, но вдруг поняла, что... мне становится лучше!

Я замерла, прислушиваясь к ощущениям и не открывая глаза. Бьёрн по-прежнему держал пульсирующую под его пальцами руку, но это давление было меньшим злом по сравнению с дурнотой от качки.

Это что, его магия? Не мог сделать так сразу, идиот несчастный?!

– Прикажете держать вас так всю дорогу, госпожа ди Мори? – вкрадчиво поинтересовался наглец, склонившись чуть ближе ко мне и явно наслаждаясь произведённым эффектом.

– А вы что... слушаетесь моих приказов? – не менее вкрадчиво уточнила я, чуть повернув к нему голову и наконец позволив себе посмотреть.

Я даже различила тонкий древесный дух плоской круглой подвески, которая болталась на его шее, и ещё мускусно-терпкий аромат его кожи, разогретой на солнце. И даже запах дыхания, от которого почему-то закружилась голова. Наверное, это последствия тошноты.

Бьёрн рассмеялся и потянул за руку к себе, заставляя выпрямиться перед ним.

Я нехотя встала, старательно не глядя по сторонам на лежащих на нас матросов. Солнце бликовало на серебристых колечках в его ушах так же, как на бесчисленных волнах вокруг нас, заставляя шуриться.

– Смотри сюда... – начал он и кашлянул, пряча смех. – Прошу прощения! Смотрите же, о благороднейшая из Кейсар. – Он повернул мою руку ладонью вверх. Пальцы оказались доверчиво раскрыты и расслаблены, хотя было немного щекотно. Бьёрн расположил три своих пальца чуть ниже сгиба запястья – на фоне его руки такого хрупкого, что я взволнованно сглотнула. – Вот эта точка.

– И... что делать?

Хотелось прекратить это всё, потому что лицо стремительно заливало краской стыда от того, как на нас смотрят. Но я ни за что не соглашусь, чтобы дурнота вернулась с прежней силой, поэтому лучше потерплю несколько минут позора.

– Пальцем, – он подхватил и поставил большой палец моей правой руки к отмеренному месту и надавил, показывая,

как надо, – прижимаете вот так. Чуть сильнее или меньше, как получится.

Светлая обветренная кожа выделялась на фоне моей, тёмного оттенка.

Я кивнула, приподняла голову и неожиданно столкнулась с его внимательным взглядом. Таким серьёзным и прямым – в самую душу. Крупные губы поджались, солнце пробежало по его коже сотней бликов, отражая плеск волн.

Внезапно без вечного ехидства он даже показался мне приличным человеком.

Внутри расцветала щекотная тёплая улыбка, которую я старательно удерживала, сохраняя невозмутимый вид. Что ж. Кажется, будто этот надменный северный чужак тоже готов растаять?..

Мерцало серебро в его глазах. Но обманчивое ощущение длилось миг, потому что во взгляде с прищуром снова вспыхнули дурацкие искорки.

– Спасибо, – забрала я свою ладонь, прижав пальцы так, как он показал. И даже спокойно улыбнулась, наконец ощутив, как отпускает тошнотворное чувство. – Если это будет работать, я готова ходить так целыми днями. И это – не магия?

– Магия, доступная каждому. Даже огненным фуриям вроде вас.

– Знаете о моей магии? – приподняла я бровь с любопытством.

– В двух словах. – Бьёрн опёрся локтями о борт, встав к нему спиной и поглядывая на меня с затаённой улыбкой. – Но это не та стихия, которая мне близка. Вам помогут в Сеттерьянге, там есть наставники, которые обучались неживой магии и которым благоволит Метта. Зря вы пытались бежать.

Я держала руку и искоса наблюдала за ним. Интересно, если я смогу добиться его особого расположения – это хоть немного поможет мне устроиться в монастыре на более приличных условиях?

– Сами видите, как плохо мне даются такие путешествия.

Бьёрн легко удержался на ногах при новой волне, сделав незаметное движение всем телом, как заправский моряк, а я ещё сильнее впилась пальцами в запястье, хотя лучше бы схватилась за борт!

– Маленькое досадное недомогание на важном пути.

– На моих островах тоже знают кое-что об особых силах.

– Я слышан, – якобы согласно склонил голову Бьёрн, – однако куда больше слышан о ваших обжигающе-горячих неудачах, кирия ди Мори. Так что не стоит избегать тех, кто разбирается куда побольше ваших шаманов и ведуний.

Эти дарханы – настоящие снобы, я уже поняла. Я покачнулась и едва не упала, поскольку обе руки теперь были заняты попыткой избавиться от морской болезни. Бьёрн тут же цепко схватил меня за локоть и придержал, помогая не растянуться посреди палубы всем на посмешище.

– Вам стоит подкрепиться, Кейсара ди Мори. Иначе от

слабости того и гляди бахнитесь в обморок.

– О, меня ждёт изысканный ужин?

– Только весьма посредственный обед.

Я снова перешагнула, чтобы удержаться на палубе во время волны. Длинная юбка простого платья путалась в ногах, а волосы так и норовили попасть в глаза.

Слова про обморок оказались пророческими. И Бьёрн не успел удержать – я почувствовала, как поскользнулась и лечу вниз на проклятую шаткую палубу, матросам на радость. И едва не расшибла себе лоб!

В последний миг меня подхватила у самого пола чужая крепкая ладонь.

Но Бьёрн не повёл себя как мужлан, а удержал на удивление бережно.

– Ну вот, едва не упали, – прошептал он мне на ухо так, что по коже побежали мурашки. – Что бы вы без меня делали, принцесса с южных островов?

Бьёрн позволил мне встать твёрже на палубе, и я, ещё держась за его предплечье, снова взглянула во внимательные серые глаза.

Его зрачки стали больше, и я бы поёжилась от ощущения, что он околдовывает, и мои эмоции выходят из-под контроля... Но увидела в глубине отголоски пламени – красно-оранжевые всполохи, похожие на закатное солнце.

Но заката ещё не было!

«...однако куда больше наслышан о ваших

обжигающе-горячих неудачах, кирия ди Мори...»

Я помотала головой. Нельзя так играть с огнём – своим собственным. Это всегда заканчивается плохо. Я вернула себе сдержанное выражение лица и постаралась сохранить подобие достоинства на этом шатком способе перемещения.

– Полагаю, держалась бы подальше от морской стихии, но раз путешествие отменить не удалось... Ужасно хочется есть. Но, признаться честно, даже не представляю, где на корабле может располагаться столовая – не приходилось прежде странствовать морем.

Бьёрн улыбнулся на моих словах про столовую на корабле, бросил взгляд на свою компанию, к которой явно жаждал вернуться, но наконец согласно кивнул:

– Раз уж вы снизошли до вежливости, госпожа ди Мори, не могу не ответить любезностью. Идёмте.

Мне надо узнать о нём больше. О нём, о том, что меня ждёт в Сеттерьянге. О том, что ждёт нас всех вскоре – тех, кого Четверо богов наделили даром.

Глава 3. С тобой что-то не так

Арнеина

– Я должен туда поехать. – Голос мужа выдернул из забытья, в которое Арнеина погрузилась, сидя над чашкой горячего отвара и обнимая её обеими руками.

Такой хрупкий фарфор, изящный и тонкий – под её пальцами. И вдруг внезапная мысль о том, что она может сломать его одним неосторожным движением... вызвала тревогу. Но Арнеина хорошо научилась уходить в себя и закрываться от чужого воздействия, ото всех, кроме своего супруга – императора величайшей Ивварской империи.

– С тобой что-то не так, – приподняла она взгляд, отрываясь от прозрачных, едва уловимых клубов пара, который поднимался над свежим отваром шиповника.

Император этим утром был сам не свой.

Арнеина покатала на кончике языка терпкий кисловатый привкус. Захотелось снова сделать большой обжигающий глоток, который бы развеял сумрачное утро.

Сиркх стоял к ней спиной, за широким размахом его плеч пробивался рассвет – но не достигал императрицы, рассеивался лучами по комнате, ещё контрастнее подчёркивая си-

луэт самого могущественного мага земли.

Наместника самого Скадо, посланника высочайшего из Четырёх богов, что, точно ступени, вели их всех к Великому Духу.

Ойгон – Тело. Кими – Сердце. Метта – Разум. Скадо – Дух.

Четыре посланника Творца, к которым она была приучена обращаться с детства. Четыре ступени великой лестницы, где по мере движения от младшего к старшему тебе больше даётся – но и больше спрос. Справедливая вера: каждому по силам его.

– Я слышу... его голос, – отозвался император глухо, глядя вперёд, далеко за пределы дворцовой площади столицы Иввара, за пределы страны и даже вечности.

Ведь того, чей голос он слышал, уже не было в живых.

Сиркху, если верить летописцам, старательно ведущим записи всей истории Иввара и ордена дарханов, было уже больше пяти десятков лет, но никто бы не назвал его возраст при личной встрече.

Арнеина мельком подумала, что и ей через несколько лет исполнится сорок. Но сильный магический дар помогал не только править страной, поддерживая мужа, но и держать себя с прежней силой и молодостью гораздо дольше, чем могли люди без магии.

Император был высок, казалось, выше его Арнеина и не знала никого в жизни. Даже годы отшельничества и скита-

ний ничуть не отразились на его внешности – каждая черта его была наполнена силой, мощью и статью. Высеченный из гранита, как стихия, которой он мог управлять. Никто прежде не обладал способностью сотрясать горы и соединяться с твердью, из которой создана вся земля.

Бывали редкие минуты, когда Арнеина могла прикоснуться к нему и ощутить отголоски этой стихийной силы – и даже это слабое эхо потрясало до глубины души. А ведь Сиркх единственный, кто соединял в себе способность обращаться как к живому, так и неживому.

Именно он привёл одарённых магов к власти, вывел из тени. Вернул влияние ордену дарханов – хранителей древних знаний о магии, – который много веков подвергался преследованиям от прежних правителей Иввара. Именно последователи Сиркха отныне могли вершить судьбы, ведь от их имени говорили Четверо богов.

Кто посмел бы сомневаться в этом после той силы, что показал миру бывший скромный ученик дарханов, а позже наставник, отшельник и основатель своей школы Самуэль Давн, взявший себе имя Сиркх по воле богов?

Теперь он Император-Отшельник, как по привычке говорят о нём люди, или Император Без Короны, потому что не любил роскошь и мирские украшения, которые обожал свергнутый им король. Сиркх носил только магические символы: серьгу в левом ухе с кроваво-красным рубином – самым сильным камнем, королевским кристаллом. И на шее

цепочку из серебра с сапфировым талисманом. Камень порядка. Камень размышлений. «Я вижу в нём отражение души, устремлённой в вечность», – улыбнулся он ей, когда Арнеина впервые осмелилась прикоснуться к камню.

– Я поеду с тобой, – произнесла Арнеина, скользя взглядом по его спине, мысленно наделяя мужа своим теплом и силой.

Прошло двадцать лет их брака, а она ни на миг не могла уменьшить силу своей любви к нему и это чувство глубочайшего поклонения. Арнеина задумчиво прикусила губы. О да, он до сих пор мог вогнать её в трепет одним взглядом или одним словом.

Судьба накрепко связала её с ним, и она пойдёт следом куда угодно, даже в огненную пропасть, если так пожелают боги. И если Сиркх захочет навестить место захоронения своего Учителя, значит, это действительно важно.

– Зачем? – не обернулся Сиркх, но будто вздрогнул.

Сердце на миг сжалось.

– Ты сам говорил. – Арнеина сделала наконец обжигающий глоток, с наслаждением позволяя отвару согревать изнутри. Она поднялась на ноги и подошла к нему ближе, коснулась рукой плеча. – Я поклялась, что всегда буду рядом с тобой.

– Хорошо. Пусть так, – согласился Сиркх, ушедший в свои мысли, но руку на своем плече накрыл тяжёлой тёплой ладонью.

Она воспрянула духом и отдала приказ подготовить экипаж.

Учитель ушёл к богам полгода назад, и с тех пор Самуэль иногда был сам не свой – казалось, он мысленно продолжал вести разговор. Хотя почему казалось? И правда вёл: судя по обрывкам фраз, что Арнеина иногда ловила с его губ, мудрейший отвечал ему как прежде, будто нет никакой грани между мирами живых и мёртвых.

...Дорога до заветного места на Итене, неподалёку от священного города Сеттерьянг, заняла несколько дней, в течение которых Сиркх продолжал вести мысленный диалог. Арнеина боялась спугнуть и задавать вопросы, поэтому молча была рядом, иногда брала его за руку, наслаждаясь теплом и силой, иногда отвечала на вопросы ближайших спутников.

Сиркх не оставлял идею расширять Ивварскую империю на юго-запад, вскоре им предстояли переговоры о вхождении в состав Иввара самых отдалённых земель Маркитании, часть из которых ещё сопротивлялась власти магов.

Где-то её удавалось установить мирно: многие были заинтересованы сами войти в состав могущественной империи и подчиниться Четырёх богам, уже доказавшим свою мощь, где-то приходилось это право устанавливать силой.

– Так пожелали Четверо, – оканчивал свои речи Сиркх, подразумевая то, что такова его миссия в этом воплощении, и от его взгляда обычно у присутствующих не оставалось сомнений, кто именно говорит с ними – воплощение высшего

божества.

Сиркх доверил Арнеине множество вопросов, и иногда она чувствовала себя не просто императрицей, не просто собой – а одной из множества божественных дланей, протянувшихся в этот мир с целью установить в нём закон древней силы.

«Мы много больше, чем нам кажется, – звучало в священной книге Кетури, и эти слова эхом раздавались на молитвах Четырёх, в такт долгому и раскатистому удару в гонг. – Мы – суть».

Отдавшись течению времени, Арнеина покачивалась в карете, скользя взглядом по раскинувшейся перед ней долине между гор. Существует ли время? Двадцать лет она – правая рука, тень, судьба императора. Двадцать лет как одно биение огромного сердца. Его воля – её воля.

– Спасибо, что отправилась со мной, – проронил он вдруг с хорошо знакомой тёплой улыбкой, которую она видела, только когда они оставались наедине.

Эта мелочь, эта тайна всегда грела душу, напоминая о том, какую особенную миссию она исполняет. И с каким человеком оказалась связана по воле богов.

– Я всегда буду с тобой, – улыбнулась она в ответ.

Арнеина скользнула взглядом по лицу Сиркха: он прикрыл веки, на резких чертах мелькнуло напряжение, и это вдруг кольнуло где-то под сердцем.

Что на самом деле он ищет на могиле своего Учителя?

Если их связь не прервалась и с самой смертью. Арнеина закрыла глаза следом, но тщетно: связь с погибшим три десятка лет назад отцом она нащупать не могла никогда. Быть может, для этого нужно быть не просто одарённой, способной воздействовать на всё живое, – но уметь прикасаться и к вечности, как её муж.

Путешествие подошло к концу быстрее, чем она предполагала. А может, этому способствовало её отрешённое состояние – кажется, она провела в молчаливой медитации не меньше суток.

На месте захоронения Учителя особенно громко закричали вороны, будто почуяв приближение человека, способного потревожить покой мёртвых, дотянуться до них сквозь могильный камень и символы на даори, ограждающие живых от ушедших.

– Я должен его увидеть, – проронил Сиркх, опускаясь на холме коленями на землю.

Арнеина вздрогнула и почувствовала, как вся кожа покрылась крупными мурашками, пробежал пугающий холодок. Он всерьёз? Учитель ушёл к богам полгода назад, едва ли будет приятно увидеть сейчас то, что от него осталось в земном мире...

– Сиркх...

Император даже не взглянул на неё, но хватило и той резкой магической волны, что упруго ударила в грудь и заставила сделать шаг назад. Больно сжалось сердце. Не ей спорить

с богами, верно?..

Слуги молча взялись за дело. Теутеран был похоронен согласно его воле – без особых знаков отличия, на том холме, где однажды услышал голос богов и передал волю Сиркху. Даже не в самом священном городе богов Сеттерьянге.

На этом же холме сам император был благословлён Скадо – здесь, в окружении гор – все Четверо богов явились к нему один за другим, вкладывая свою силу и позволяя Самуэлю взять новое имя и исполнить то, что они передали: позволить ордену дарханов взять себе власть над простыми людьми, повести их за собой, став, как одарённые, на ступень выше. Протянуть руку тем, кто готов её принять. И лишить власти тех, кто считал магов тёмной силой и кто вредил тем самым всему человечеству.

Сейчас любой мог прикоснуться к холму и святой земле, но паломники часто сторонились самой вершины, предпочитая обходить холм кругами и напиваться силой земли, с молитвой обращаясь к небу. Арнеина же стояла у самой вершины холма, чувствуя на это своё право. Но такая мощь исходила из самой земли, что трудно было оставаться на месте и не дрожать от присутствия богов: руки и плечи покрылись мурашками, и пришлось поджать губы, чтобы не издать ни звука.

Из храма Четырёх богов, устремлённого в небо острым шпилем у подножия горы, раздался удар гонга – и гулкая звуковая волна прошибла всё тело вибрацией. Арнеина тоже

опустилась на землю, чувствуя, как вместе со звуком нарастает и резонирует тонкий, неведь откуда взявшийся страх.

Нельзя будить мёртвых. Они ушли за границу живого, они в мире духов, и даже Сиркху не стоит возвращать это в мир живых. «Покоя нет и в смерти», – пришли слова на даори, но сейчас они не внушали спокойствие.

«Я слышу его голос. Он не мёртв!» – отчаянная мысль вдруг передалась Арнеине от Сиркха. Никогда прежде она не слышала мыслей императора, только могла ощутить его всей сутью, но связь будто стала ярче и крепче. И это тоже пугало! Арнеина коснулась ладонями холодной земли, камней, травы, что покрывала холм, и почувствовала, как всё же мелко дрожит всем телом.

Когда из земли достали гроб, она хотела отвернуться, но не смогла. Волю точно сковало, и Арнеина продолжала смотреть на то, как снимают приколоченную деревянную крышку, как Сиркх поднимается – медленно, словно преодолевает сопротивление ветра, – как он хватается за толстый край, впиваясь пальцами в отсыревшее дерево.

Слуги почтительно расступились и все как один встали на колени и склонились низко к земле, опустили головы. Только император Ивварской империи и она, его супруга, оставались с поднятыми лицами. Для слуг это было священное и непонятное им таинство, и ни один из них не посмел сомневаться в том, что делает их император.

Он – божество! Он – величайший из живущих магов.

И только Арнеина замерла, перестав дышать. Это безумие – безумие, что тонкой ядовитой змеёй ползло сейчас по коже, по позвоночнику, пробиралось под волосы, заставляло вставать дыбом каждый крохотный волосок на теле.

Впервые в жизни Арнеина отделилась от своей принадлежности Сиркху и увидела его со стороны. Как всегда сильнейшего, твёрдого, как скала, непоколебимого, закрытого. Всемогущего. И – внезапно ранимого.

Он действительно верил, что его Учитель может быть жив.

Он верил в это?

Боги обманули его?

Арнеина почувствовала безумие, которое обернулось змеёй и впилося глубже, до самого сердца, и сделало ядовитый укус. Нечем дышать! Почву выбили из-под ног. Земля будто и впрямь рванула навстречу, и Арнеина из последних сил удерживалась на грани падения, впиваясь ногтями в каменную почву. Не может быть!

Император Иввара, величайший из магов, живущих на земле, Самуэль Давн, взявший имя Сиркх по воле старшего из Четырёх богов... неужели он действительно не верил, что его Учитель – мёртв, и хотел увидеть его на самом деле?

Мир померк, подёрнулся глухой туманной завесой, Арнеина почувствовала, что её связь с императором тянет силы так, что она задыхается, что сердце сжимается в кулак, а воли и сопротивления, чтобы сохранить свои границы, не остаёт-

ся вовсе.

Беззвучный крик рвался изнутри, но она не издавала ни звука, силуэт Сиркха стал больше, шире, потемнел, занял всё пространство, докуда мог дотянуться взгляд.

Арнеина упала на землю, опершись руками и почувствовав вдруг небывалое облегчение от того, что соприкоснулась с этой твердью – и та забрала её боль.

Глава 4. В которой Бьёрн становится господином

Обед был отвратительным.

Вжик-вжик – скрипели от качки доски с завидной мелодичностью. В полумраке нижней палубы мерно качались фонари. Жестяная миска на массивном, обитом железом столе, тянущемся вдоль длинных сидений, так и норовила присоединиться к всеобщему танцу предметов – под бесконечное переваливание корабля с одного бока на другой.

За соседним длинным столом поглощал свою порцию какой-то мужчина в засаленном платье, но ел так медленно и равнодушно, будто ему всё равно, что попадёт ему внутрь.

Овощная похлёбка с плавающими в жиже кусочками жилистого мяса не пробуждала аппетит, и даже утверждение Бьёрна, что мне станет лучше, не помогало.

– Я не могу это есть, – призналась я в конце концов.

Моя причёска окончательно растрепалась. Прежде я не очень любила открывать чуть оттопыренные уши (над которыми, конечно, не мог не шутить Тавиан), но внутри было темно и душно, кудри противно липли к спине – было не до того, чтобы производить на кого-то впечатление. Наскоро пересобрав длинные волосы и стянув их в высокий хвост с помощью броши, я отстранилась и следила, чтобы они не

попали в миску и не провоняли этим луково-приторным запахом с привкусом подгорелой хлебной корки.

– Как пожелаете, – пожал плечами сидевший напротив сероглазый и ловко поймал миску, которая принялась скользить дальше. – Не пропадёт. Простые смертные, а не королевские особы, съедят за вас и ещё попросят. Но не могу обещать, что буду ловить вас каждый раз, когда вы будете падать в голодный обморок.

– Буду падать на кого-то ещё. Помягче, – мрачно буркнула я. – А вот если меня стошнит от этого изысканного блюда прямо здесь – лучше точно никому не станет.

Бьёрн хмыкнул, потянулся – звякнули колечки в паре скрученных жгутов волос – и отдал миску проходящему мимо матросу. Тот явно направлялся на камбуз – маленькую местную кухню, откуда раздавался звон жестяной посуды и отборная ругань. Жаль, умением сворачивать уши в трубочку магов не одарили.

Я тряхнула рукой, отбрасывая золотые браслеты подальше от нужного места на запястье, нажала на пульсирующую точку и снова уставилась на моего сопровождающего.

Бьёрн в ответ сложил ладони в кулаки и оперся на них подбородком, глядя на меня. В полумраке его глаза перестали быть вызывающе светлыми, а скорее загадочно темнели, не выдавая то, о чём он думает. Но дархан не спешил бежать, и я решила воспользоваться моментом, даже смягчила голос.

– Сентар де Ларс, – проговорила я с вкрадчивой улыбкой,

почувствовав, как уходит тошнота. — Что там на самом деле происходит? Скажите честно. Зачем им нужна я? Настолько, чтобы красть из родного дома.

— Ну, положим, из родного дома вы сбежали сами, ваша светлость. Я лишь направил ваше желание пройти обучение магии в нужное русло: вам нужен кто-то посильнее ведуний. А так, как вы знаете, власть императора сильна, но расширение империи на север требует больше людей и сил. Однако самый тёмный момент ночи — перед рассветом.

Я нахмурилась и подалась вперёд:

— Перед рассветом?! Что ты имеешь в виду?

Бьёрн широко улыбнулся:

— Ваша привычка обращаться на «ты» к слугам не даёт вам покоя? Так что: кирия ди Мори или просто Кейсара?

— Ты старше меня всего на несколько лет, — вспыхнула я снова от его тона.

— Возраст — понятие такое относительное... — снова ушёл от прямого ответа Бьёрн, и я заметила след улыбки в уголках его губ за сложенными в замок пальцами.

— Хорошо, Бьёрн де Ларс, прошу прощения за фамильярность. Так что вы имели в виду под «темнотой перед рассветом»?

— Только то, что император нуждается в верных и преданных людях сейчас. И что одаренные способностью прикасаться к неживому сейчас особенно важны, — безэмоционально проговорил дархан.

– Что-то не чувствую себя важной.

– Не знаете историю императора? – Бьёрн опустил руки на стол, оставив их сцепленными, и они оказались совсем рядом с моими раскрытыми пальцами: я всё ещё сжимала запястье, уже больше по привычке и опаске, чем от действительной дурноты. – Он не из тех, кто держится за формальности и порядка. Ему всегда важнее суть. А суть сейчас в том, чтобы собрать под своим началом самую могущественную армию мира.

– Мой брат отслужил в его армии, – бросила я, дёрнув уголком рта. – Мне хватило видеть его после этого. Его бросили в пекло в самом Ивваре, и до сих пор он не восстановился до конца, хотя у нас бывали лучшие лекари со всех Корсакийских островов и даже из столицы. Я надеюсь, это звучит как достаточная причина не желать участвовать в «самой могущественной армии мира»? И я не просто капризная «принцесса Юга», сентар де Ларс, у меня есть все основания поступать так, как я поступила.

– Я хорошо знаю вашего брата, кирия ди Мори, – проговорил Бьёрн.

– Вот как?! – Я не удержалась от восклицания, впиваясь ногтями в ладони.

Этот тип был знаком с Тавианом – и они оба ничего мне не сказали?! Так вот кто подстроил моё «похищение». Тавиан! Злость снова брала верх.

Бьёрн склонил голову набок, не торопясь объяснять и гля-

дя на меня. Вокруг то и дело сновали матросы. Один из них, проходя мимо, похлопал Бьёрна по плечу, зазывая с собой на палубу, но он ответил им на чужом языке:

– Este manet kirah.

– Vjern dehs mven, – фыркнул матрос, но дархан и глазом не повёл.

Он кивнул мне и серьёзно произнёс:

– Тавиан пострадал случайно. Никто не мог предвидеть. Но есть долг...

Он смотрел на меня, будто пытался уловить истинные мысли, но я знала, что для этого ему нужно прикоснуться и нарушить мои границы. Снова.

Несколько мгновений я подбирала слова, думая выпросить у него все подробности, но поняла, что сейчас не тот момент, когда этот упрямый дархан пожелает говорить откровенно.

По-хорошему, лучше остыть, прежде чем разговаривать с этим... Бьёрном, иначе выдам много лишнего про брата, его обучение с Ароном и мою связь с его же учителем. Хотя стоит предположить, что Бьёрн и про это в курсе, а значит, уже поэтому может вести себя так со мной – насмешливо и издевательски, зная, как я была влюблена в учителя брата, в Арона, и чем это закончилось.

Жаркий стыд от этой мысли окатил щеки, и я резко встала, тут же покачнувшись на волне.

– Что же, сентар де Ларс. Тогда вы тем более должны по-

нимать моё нежелание пострадать «случайно»! Не хочу стать калекой, каким стал мой брат.

Почувствовав подступающие слёзы, я резко отвернулась, прижав пальцы к векам и ожидая, что он хоть попробует успокоить, а может, снизойдёт до милости... подскажет, как избежать службы?

Ясно ведь видно, что я – не солдат и не с моим самообладанием идти воевать!

Но безразличные слова Бьёрна только добили.

– Да, кирия ди Мори, я прекрасно вас понимаю, – вкрадчиво раздался его голос. – Ваши чувства написаны у вас на лице. Никаких тайн.

Он смеялся надо мной, хоть и беззвучно. Никаких тайн, значит? Думает, что я настолько поверхностная девица?!

Я вспыхнула, сжав кулаки.

– Что же, – снова повторила я, теряя самоконтроль. – Смейтесь. Если вам весело смотреть, как ломаются судьбы по прихоти императора! Я обучусь магии, достигну успеха и покину монастырь при первой же возможности, чтобы вернуться домой. – Я добавила злым, срывающимся шёпотом, посмотрев ему в глаза, не боясь, что меня услышат: – И мне плевать на долг и службу стране, слышите?..

Тошнота подступила к горлу, и я плохо понимала, тошнит меня от беспрестанной, выматывающей душу качки или от того, что я говорю и что думаю про всё это. Или – что вернее! – от слишком долгого лицезрения Бьёрна – равно-

душного, насмешливого, недалёкого типа, который только и умеет, что исполнять чужие приказы и издеваться!

Развернувшись, я быстро выбралась на верхнюю палубу, перестав сдерживать дурноту, и там меня всё-таки вывернуло прямо за борт.

Зато стало так безразлично, что подумают матросы, Бьёрн, другие пассажиры или кто угодно. Я повисла вниз головой, сплёвывая привкус желчи, впиваясь пальцами во влажный борт корабля, падающего то вверх, то вниз. На несколько мгновений даже испытала облегчение, откинула кудри и подставила лицо, склонённое к борту, солнечным лучам и ветру, не думая больше ни о чём.

Я всё равно выберусь оттуда. Стану лучшей, сильной, настолько, чтобы со мной считались, – и сама решу свою судьбу. И если без помощи этого дархана – так даже лучше!

Утром разбудил удар в гонг. С непривычки я вздрогнула и едва не врезалась макушкой в низкую полку над головой. У нас на Корсакийских не были в ходу гонги, смесь веры в Четверых богов и местных традиций привела к сочетанию мелодичных молитв под звуки наших привычных на Юге инструментов – струнных и бубнов.

Гонг звучал так долго и пронзительно, шесть ударов подряд, когда не затихающие колебания одного удара догоняли звуки сильного второго. Я накрыла голову хлипкой подушкой, представляя, что это именно Бьёрн долбит в здоровенный металлический диск мне назло.

И почему-то он предстал перед мысленным взором в самом диком и воинственном виде – обнажённый по пояс северянин с пронзительным взглядом, с рассыпавшимися по плечам короткими прядями волос, бледнокожий под яркими лучами нашего, ещё южного, солнца, бьющий в гонг большим молотом. И молитвы, что срывались с его губ, звучали низко и гортанно – «во славу Четырёх», – кидая в дрожь.

Да уж, представила чересчур подробно – и сама же глухо простонала. Мама всегда говорила, что у меня слишком живое воображение: мне сочинять бы истории для выступлений на сцене.

Преодолев утреннюю тошноту, я даже умудрилась что-то съесть на скудном завтраке: разгрызла какой-то сухарь и запила водой. Вопреки моим фантазиям, полуголого Бьёрна, бьющего в гонг, на верхней палубе не оказалось – я послонялась по натёртому до блеска дереву, не нашла себе места среди снующих туда-сюда матросов и резких команд капитана и боцмана и вернулась обратно вниз.

Я знала, что дарханы ещё обязаны выучить даори – мёртвый язык предков, на котором уже не говорят, но одарённые считают, что именно он обладает магическим звучанием, способным достигать Четырёх богов.

От скуки и лёгкой дурноты я пыталась отвлечься, завести общение с кем-то из моей каюты, но люди попадались неразговорчивые или неинтересные, и стало ещё скучнее. Лучше уж было проводить время в перечитывании легенды на кор-

сакийском или вообразать свои собственные истории.

– Любите читать? – подошла и заглянула через щель в шторке взрослая женщина, которую я видела всего пару раз, когда валялась на узкой койке, упершись ногами в стенку, чтобы меньше качало.

– Здесь больше нечем заняться, – пожала я плечами, откладывая книгу в сторону и почему-то прикрывая ладонью название, выведенное на истрёпанной кожаной обложке.

Женщина выглядела благородно: убранные наверх тёмные волосы, опрятное платье, дорогие украшения на пальцах и на запястьях.

– Присаживайтесь, кирия, – предложила я, отряхнув накрытую тонким покрывалом койку.

Пассажирка, явно искавшая повод с кем-то поговорить, вздохнула и опустилась неподалёку, сцепив пальцы на коленях.

– Вы тоже следуете на Итенский архипелаг? У вас там родственники? – участливо поинтересовалась я, раздумывая, что же могло на самом деле подтолкнуть к такому не самому востребованному месту для путешествий: чаще всего с Корсакийских островов отправлялись за редкими товарами и развлечениями в бывшую столицу Энарийского королевства – Аркетар, который был всего в нескольких днях пути.

– Да... Мой сын, – вздохнула женщина. – Его вскоре должны отправить на службу.

– Он тоже маг? – поняла я. – И проходит обучение в Сет-

терьянге?

– Как вы это поняли? – нахмурилась женщина и обернулась ко мне вполоборота, не скрывая тревогу во взгляде. – Мне разрешили навестить его, прежде чем его величество Сиркх отправит на Север... Мой мальчик. Мой Тир, ему всего семнадцать. Когда его отца не стало, он стал для меня всем, а теперь... – Она резко отвернулась в сторону. – Все говорят о новых завоеваниях императора, и каждый раз я вздрагиваю, когда думаю об этом. Неужели ему мало того, чем он уже владеет?!

Разговор принял опасный поворот, и я насторожённо оглянулась. Среди матросов я увидела много ивварцев и слышала дежурные восхваления силы и могущества их правителя. Одно дело на наших Корсакийских островах сетовать на жестокое и немилосердное к обычным людям правление Сиркха, к тому же вера в Четырёх богов у нас соседствовала с другими традициями, с поклонением Великим Духам, Ао и Теа; но делать это там, где нас могут услышать ивварцы, гордящиеся своим выходцем, покорившим за эти двадцать лет целых полмира, – совершенно другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.